

•thebigbook•

Энн
Райс

ИНТЕРВЬЮ С ВАМПИРОМ



Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Р 18

Ann Rice
INTERVIEW WITH THE VAMPIRE
Copyright © 1996 by Anne O'Brien Rice and the
Stanley Travis Rice, Jr. Testamentary Trust
All rights reserved

Перевод с английского Марии Литвиновой
Оформление обложки
Вадима Пожидаева-мл., Виктории Манацковой

Райс Э.

Р 18 Интервью с вампиром : роман / Эни Райс ; пер.
с англ. М. Литвиновой. — СПб. : Азбука, Азбука-
Аттикус, 2021. — 416 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-19491-5

Драматическая история вампира, пересказывающего свою жизнь по эту и по ту сторону бытия, — французские колонии в Луизиане, Париж XIX века, глухая деревушка в Карпатах... Обитатели мира тьмы, это воплощенное зло, — неужели они, как люди, способны страдать и радоваться, любить и сокрушаться от потерь, неужели в их сердце сохранился остаток человеческого?..

Написанный буквально за полтора месяца в память о шестилетней дочери, которая скончалась от лейкемии, роман «Интервью с вампиром» давно вышел за тесные рамки жанра и стал мировой классикой уровня «Дракулы» Брэма Стокера. Своим появлением в 1973 году он предвосхитил знаменитые «Сумерки» Стефани Майер, а фильм 1994 года с Томом Крузом, Брэдом Питтом и Антонио Бандерасом в главных ролях принес книге еще большую популярность. Общий тираж романа на сегодняшний день превысил рекордные 15 миллионов экземпляров, это едва ли не самая продаваемая из книг современных авторов в истории книжной торговли.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© М. А. Литвинова, перевод, 1995
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2021
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-19491-5

*Посвящается Стэну Райсу,
Кэрол Маклин и Элис О'Брайен Боркбарт*

Часть I

— Ну что ж... — задумчиво сказал вампир.

Он стоял у окна, освещенный тусклым уличным светом. Глаза его собеседника, молодого человека, наконец привыкли к полутьме, и он смог разглядеть комнату: круглый дубовый стол, кресла, таз и зеркало на стене. Молодой человек ждал.

— А у вас хватит пленки, чтобы записать историю целой жизни?

И молодой человек увидел четкий профиль полуобернувшегося вампира.

— Конечно. Когда повезет, мне удастся взять интервью у трех-четырех человек за вечер. Но только это должна быть действительно хорошая история.

— Еще бы, — сказал вампир. — Я расскажу вам свою жизнь. Я сам этого хочу.

— Отлично. — Молодой человек поспешно достал из портфеля диктофон, проверил кассету и батарейки. — Расскажите, как получилось, что вы поверили в это, почему вы...

— Нет, — оборвал его вампир. — Мы начнем иначе. У вас все готово?

— Да.

— Тогда садитесь. Я включу верхний свет.

— Но я всегда думал, что вампиры не любят света. Если вам хочется, чтобы было темно, я не против... — Он осекся.

Вампир отвернулся от окна и смотрел теперь прямо на него. Лица вампира не было видно, но что-то в этой неподвижно застывшей фигуре насторожило юношу. Он хотел было что-то сказать, но промолчал. Вампир подошел к столу, взялся за шнур выключателя, и молодой человек вздохнул с облегчением. И тут же резкий желтый свет залил комнату. Молодой человек ошеломленно уставился на вампира. Его пальцы судорожно вцепились в край стола.

— Боже! — только и смог выдохнуть он.

Лицо у вампира было белое и гладкое, словно вырезанное из кости, и застывшее, как у статуи. Жили только его зеленые глаза; они пристально смотрели на молодого человека и сверкали, как изумруды, и казалось, что два огня горят на белом холодном лице. Вдруг вампир улыбнулся, нежно, почти мечтательно, и на белизне его кожи обозначились линии, бесконечно подвижные, но скудные, как на штриховом портрете.

— Рассмотрели? — тихо спросил он.

Юноша вздрогнул и поднес руку к глазам, защищаясь от яркого света. Потом перевел взгляд на безукоризненно сшитый черный фрак, который мельком уже видел в баре, длинные складки плаща, черный шелковый галстук и воротничок сорочки, такой же ослепительно-белый, как кожа вампира. Его густые, черные, слегка вьющиеся волосы были зачесаны назад, их кончики едва касались воротничка.

— Ну как, вы все еще хотите этого интервью? — спросил вампир.

Молодой человек открыл рот, но не мог выдать ни звука, только кивнул.

— Да, — наконец выдохнул он.

Вампир опустил­ся в кресло напротив и тихо, доверительно сказал:

— Включайте запись и ничего не бойтесь.

Он перегнулся через стол, и юноша испуганно отшатнулся. Пот градом катился по его щекам. Вампир положил руку ему на плечо, крепко сжал его и промолвил:

— Поверьте, я не сделаю вам ничего плохого. Я хочу воспользоваться случаем. Наша беседа для меня гораздо важнее, чем вы думаете. Давайте начнем поскорее. — Он откинулся в кресле и застыл в ожидании.

Юноша с трудом перевел дыхание, вытер лицо платком, пробормотал, что микрофон внутри, нажал кнопку, и запись началась.

— Вы не всегда были таким? — начал он.

— Верно. Я стал вампиром в тысяча семьсот девяносто первом году, мне было тогда двадцать пять лет.

Юноша, ошеломленный такой точностью, повторил дату вслух, прежде чем задать следующий вопрос:

— Как это случилось?

— Очень просто. Но я бы хотел рассказать все по порядку, с самого начала.

— Разумеется, — быстро кивнул молодой человек, сложил платок вчетверо и провел им по губам.

— Все началось с несчастья... — начал вампир. — Мой младший брат... погиб. — Он за­пнулся.

Молодой человек кашлянул, чтобы прочистить горло, еще раз вытер лицо платком и засунул его в карман.

— Может быть, вам больно... вспоминать об этом? — спросил он робко.

— Больно? — отозвался вампир. И покачал головой. — Нет. Однажды я уже рассказывал эту историю. И потом, это было так давно... Мы тогда жили в Луизиане. Взяли ссуду на землю и основали две плантации индиго на Миссисипи, неподалеку от Нового Орлеана...

— Так вот откуда у вас акцент, — тихо сказал юноша.

Вампир недоуменно взглянул на него, потом рассмеялся:

— Я говорю с акцентом?

— Я заметил это еще в баре, когда спросил, кто вы, — торопливо заговорил юноша. — Едва различимая четкость согласных, и все. Но я не догадался, что это французский акцент.

— Ничего, — успокоил его вампир. — Я не столько удивлен, сколько притворяюсь. Просто время от времени я забываю о своем акценте. Но давайте продолжим.

— Конечно, конечно...

— Я говорил о плантациях. Кстати, может быть, из-за них я и стал вампиром. Но об этом после. Мы жили роскошно, но в то же время очень просто. Мы очень любили наш мир. Во Франции нам никогда не было бы так хорошо. Может, то была только выдумка, очарование дикой и девственной природы, но разве это важно? Я помню мебель, выписанную из Европы. — Вампир улыбнулся. — И клавесин... Прелестная вещица. Моя сестра часто играла на нем. Летними вечерами она сидела за клавишами спиной к раскрытым окнам. Помню быструю невесомую музыку и болота, простирившиеся за окном; бархатистые кипарисы, плывущие на фоне вечернего неба, и звуки болот: голоса животных и пение птиц. В этой глуши мебель розового дерева казалась еще более ценной, а музыка — такой нежной и та-

кой желанной. Мы любили нашу жизнь в глуши, хотя глицинии опутали окошко мансарды и умудрились враспи в белую кирпичную кладку меньше чем за год... Да, мы все любили эту жизнь, все — кроме моего младшего брата. Я не помню, чтобы хоть раз он пожаловался или посетовал, но я чувствовал: у него неладно на душе. Отец к тому времени уже умер, и я, как глава семьи, должен был постоянно защищать брата от матери и сестры. Они требовали, чтобы он ездил вместе с нами в гости и на вечеринки в Новый Орлеан, а он этого терпеть не мог. Он перестал участвовать в общих развлечениях лет, должно быть, в двенадцать. Для него имели смысл только молитвы, молитвы и жития святых, заключенные в толстые кожаные переплеты.

Я построил ему часовню неподалеку от дома, и он проводил там целые дни — возвращался, когда уже начинало смеркаться. Это смешно: он так отличался от нас, отличался от всех, а я был самым обычным человеком! Ничего сверхъестественного во мне не было. — Вампир улыбнулся. — Иногда по вечерам я приходил за ним к часовне. Он сидел на каменной скамейке в саду, спокойный и отрешенный, а я рассказывал ему о своих бедах: о нерадивых рабах или дурной погоде, о недоверии к надсмотрщику и торговым агентам... Словом, о больших и маленьких заботах, которые составляли сущность моей жизни. Он сидел и слушал, изредка вставлял замечания, всегда очень благожелательные, и всякий раз я покидал его с осознанным чувством, что он разрешил за меня все вопросы. Я думал, что ни в чем не смогу ему отказать, и поклялся, что не буду мешать ему стать священником, пусть это даже разобьет мне сердце. Конечно, я заблуждался.

Вампир замолчал.

Юноша тоже молчал и смотрел на него. Затем, словно пробудившись от глубокой задумчивости, спросил, подбирая слова:

— То есть... Он не захотел стать священником?

Вампир пронзил его долгим взглядом, словно пытаясь постичь смысл сказанного. Потом ответил:

— Нет, это насчет себя я ошибался — когда думал, что не смогу ему отказать. — Он отвел глаза и взглянул в окно. — У него начались видения.

— Настоящие видения? — помедлив, спросил юноша.

— Не знаю, но тогда я ему не поверил. Это случилось впервые, когда брату исполнилось пятнадцать. Он был красив: нежная чистая кожа, огромные голубые глаза. К тому же, в противоположность мне, он отличался крепким телосложением... Но главное — его глаза. Когда я смотрел в них, мне казалось, что я стою на самом краю света совсем один... на овеваемом ветром песчаном берегу океана, а вокруг тишина, только рокот волн, накатывающих на берег... Да, — продолжал он, по-прежнему глядя в окно, — у брата начались видения. Сначала он говорил об этом намеками. Он ничего не ел и почти переселился в часовню, но и там все запустил: перестал зажигать свечи, менять покров на алтаре и даже не выметал заносимые ветром листья.

Дни и ночи он стоял на коленях на голом каменном полу перед алтарем. Однажды вечером я встревожился не на шутку. Целый час я смотрел на него из беседки, увитой розами. Брат ни разу не поднялся с колен и не опустил молитвенно сложенных рук. Рабы думали, что он сошел с ума. — Брови вампира удивленно поползли вверх. — Сам я считал, что он просто не в меру усерден, что в своей

любви к Богу он зашел слишком далеко. Потом он рассказал мне о видениях подробно. Он говорил, что ему явились святой Доминик и сама Дева Мария. Они сказали, что он должен продать всю нашу собственность в Луизиане — все, что у нас есть, — а вырученные деньги потратить на богоугодные дела во Франции. Сам же он станет великим религиозным лидером и, возродив любовь к Богу в сердцах людей, будет бороться с атеизмом и Революцией. Своих денег у него, конечно же, не было, значит это мне следовало продать плантации и дома в Новом Орлеане, а деньги отдать ему.

Вампир снова умолк. Юноша изумленно глядел на него.

— Простите, — наконец очнулся он. — И что же? Вы продали плантации?

— Нет, — ответил вампир. Его лицо было невозмутимо и спокойно, как и прежде. — Я рассмеялся ему в лицо. Он пришел в ярость. Так приказала сама Дева Мария, кричал он, и кто я такой, чтоб не подчиняться? В самом деле, кто? — повторил вампир тихо, словно заново обдумывая ответ на этот вопрос. — Чем отчаянней он старался убедить меня в своей правоте, тем громче я смеялся. Я сказал, что его слова — полнейшая чушь и бессмыслица, порождение незрелого и даже болезненного ума. Я говорил, что постройка часовни была ошибкой и что я прикажу разрушить ее немедленно, а сам он начнет ходить в школу в Новом Орлеане и забудет про видения и прочий вздор. Не помню точно, что я еще наговорил. В памяти остались только гнев и разочарование, переполнявшие мою душу. Именно это я пытался скрыть за высокомерным смехом и суровой отповедью. Я и впрямь был горько разочарован. Я не поверил ни единому слову брата.

— Вас можно понять, — заметил юноша, воспользовавшись наступившей паузой; его лицо уже не выражало такого откровенного удивления. — Никто бы ему не поверил.

— Можно понять? — Вампир взглянул на него. — Я вел себя отвратительно, как отъявленный эгоист. Попробую объяснить. Я уже говорил, что любил брата. Иногда мне казалось, что он святой. Точнее говоря, я хотел в это верить. Я уважал его мысли, слышал его молитвы и твердо решил, что помогу ему принять сан. Но... Если бы мне рассказали, что в Арле или Лурде появился святой, которому является Дева Мария, я бы поверил, ведь я был католиком и искренне верил в святых: ставил свечи перед мраморными статуями в церквях, знал их имена, видел изображения, разбирался в символах и молитвах, — но я не верил, не мог поверить своему брату. Я не только не верил в его видения, но даже сама суть его слов была мне чужда. Вы спросите — почему? Потому что это был мой брат. Может быть, он святой и уж наверняка особенный, не такой, как все, — но только не Франциск Ассизский. Ни за что на свете: кто угодно, только не мой брат. Вот почему я вел себя как эгоист, понимаете?

Юноша немного подумал и кивнул.

— Может, у него и правда были видения, — сказал вампир.

— То есть... вы не знаете... наверняка?

— Не знаю. Но ничто не могло пошатнуть его убежденности в собственной правоте. Я видел это в ту ночь. Обезумев от горя и обиды, он выбежал из комнаты. И через мгновение его не стало.

— Как?

— Очень просто. Он распахнул стеклянную дверь, ведущую на галерею, немного постоял на

верхней ступеньке каменной лестницы. А потом упал. Я бросился вниз, в сад, но он был уже мертв. Сломал шею. — Вампир потряс головой, заново переживая весь этот ужас, но его лицо оставалось невозмутимым.

— Может быть, он оступился? Вы видели, как он упал?

— Нет, но слуги видели. Они рассказали, что он посмотрел вверх, словно увидел что-то в воздухе, а потом его тело будто подхватило ветром. Одному из них показалось, что он хотел что-то сказать. Я сам ничего точно не знаю — я не смотрел тогда в окно. Я только услышал звук падения. — Он взглянул на диктофон. — Я не мог себе этого простить. Мне казалось, я виноват в его смерти. Впрочем, так думали все.

— Почему? Ведь были свидетели...

— Прямых обвинений не было. Просто пошли слухи, что между нами что-то произошло, что мы поругались за несколько минут до его гибели. Слуги слышали шум, да и мать тоже. Она умоляла меня объяснить, что случилось, — почему брат, всегда такой тихий и мирный, кричал на меня. Потом к ней присоединилась сестра. Естественно, я отказался говорить об этом. Потрясенный, почти убитый смертью брата, я все-таки был исполнен какой-то странной решимости никому не рассказывать о его видениях. Я не хотел, чтобы кто-нибудь узнал, что он оказался не святым, а фанатиком.

Моя сестра предпочла остаться в постели и не пошла на похороны, а мать рассказала всем в церкви, что в моей комнате произошло что-то ужасное, но я не хочу признаваться, что именно. В конце концов я даже попал на допрос в полицию. Потом ко мне явился священник и умолял, чтобы я, во

имя собственного спасения, поведал ему все. Но я молчал. Говорил всем, что это был самый обычный спор между братьями, отвергал обвинения, объяснял, что меня не было на галерее, когда он упал. И все равно все смотрели на меня так, будто это я убил его. Но я и сам чувствовал то же. Два дня я провел в церкви рядом с гробом и думал только об этом. Смотрел на лицо брата, пока черные точки не замелькали перед глазами. Довел себя почти до потери сознания. Брат разбил затылок о каменную дорожку, его голова в гробу на подушке была неправильной формы. Я заставлял себя смотреть на него, изучать мельчайшую черточку просто потому, что иначе не смог бы вынести душевную боль и запах уже начавшегося разложения. Меня снова и снова тянуло попытаться открыть ему глаза — я начал сходить с ума. Но одна мысль не покидала меня ни на минуту: я смеялся над ним, не поверил ему, не помог, когда ему было плохо, — это я убил его.

— Это было на самом деле? — тихо спросил молодой человек. — Это правда?

— Да, — ответил вампир, — но я хотел бы продолжить.

Он равнодушно скользнул взглядом по собеседнику и снова перевел глаза на окно. Казалось, что юноша со своей молчаливой внутренней борьбой вызывает у него только слабый интерес.

— Но вы не знали наверняка про видения... Как же так, ведь вы вампир, и вы должны...

— Я рассказываю только о том, что знаю, — перебил его вампир. — Только о том, что было. Если вас интересуют видения, то я и сейчас ничего не знаю об этом.

Наступило молчание. Наконец юноша сказал:

— Пожалуйста, продолжайте.

— Я решил продать плантации. Я больше не хотел никогда видеть ни дом, ни часовню. Я сдал их в аренду одному агентству и избавил себя от необходимости приезжать туда снова. Мы с матерью и сестрой переехали в один из наших городских домов в Новом Орлеане. Но образ брата продолжал преследовать меня каждую минуту. Я думал только о том, что его тело гниет сейчас в земле. Его похоронили в Новом Орлеане, на кладбище Сент-Луи, и я старательно избегал этого места, но ничего не помогало. Мои мысли всегда возвращались к брату. Пьяный или трезвый, я видел перед собой его тело, полусгнившее в гробу. Это было невыносимо. Каждую ночь мне снилось, что он стоит на верхней ступеньке, а я стою рядом, держу его за руку, уговариваю спуститься вниз, в спальню, и помолиться за меня, чтобы я обрел веру. Между тем рабы с Пон-дю-Лак — так называлась моя плантация — начали распускать слух, что видели привидение на галерее, и надсмотрщику не удавалось поддерживать дисциплину и порядок. Люди в обществе задавали моей сестре оскорбительные вопросы, и у нее начались истерики. На самом деле она никогда не была истеричкой, но почему-то решила, что это самый лучший способ поведения в подобной ситуации. Я все время пил и старался как можно меньше бывать дома. Как человек, который хочет умереть, но боится наложить на себя руки, я будто искал смерти: гулял один по самым темным улицам и аллеям города, напивался до потери сознания в кабаре, только по апатии уклонился от двух дуэлей... Мне искренне хотелось, чтобы меня убили. Кто угодно: пьяные матросы, грабитель, маньяк. Но случилось так, что мне встретился вампир. Он поймал меня ночью в двух шагах от дома, сделал свое дело и оставил умирать на улице.

— Вы хотите сказать... что он высосал вашу кровь?

— Да, — рассмеялся вампир. — Так оно и бывает.

— Но вам удалось выжить...

— Один шаг отделял меня от смерти, но он уже успел насытиться и бросил меня. Я был найден на улице, и меня отнесли в постель. Я не помнил, что со мной случилось. Может быть, удар от беспробудного пьянства. Я ничего не ел и не пил, не отвечал на вопросы врача. Я ждал прихода смерти с минуты на минуту. Мать послала за священником. В приступе начавшейся лихорадки я рассказал ему все о видениях брата и о нашей ссоре.

Я вцепился в его руку и не отпускал, заставляя поклясться, что он не расскажет об этом никому.

«Нет, я не убивал его, — говорил я. — Но я не могу жить, потому что чувствую себя виновником его смерти».

«Это смешно, — отвечал священник. — С какой стати вы считаете себя ответственным за его смерть? Вы слишком много думаете о себе, вот в чем дело. Вы нужны матери, не говоря уже о сестре. Что же касается вашего брата, то он попал в лапы дьявола». Я был так потрясен, что даже не сумел возразить. «Видения — дело рук дьявола, — продолжал он. — Силы Сатаны безграничны. Вся Франция сейчас в его власти, а Революция — его величайший триумф». Оказывается, ничто не могло спасти моего брата, кроме молитвы и поста. В то время как близкие пытались удержать его от необдуманных поступков, дьявол восторжествовал в его теле. «Совершенно очевидно, что именно дьявол сбросил вашего брата с лестницы, когда убедился, что его коварный план не удался, — заявил священник. — Вы разговаривали тогда не с братом, а с Сатаной».

Эти слова привели меня в бешенство. Он толковал о бесах, о колдовстве среди черных рабов, о похожих случаях в других странах, и наконец я взорвался. Я разгромил всю комнату и едва не прикончил его самого.

— В вашем состоянии? — спросил юноша.

— Безумие помогло мне, — ответил вампир. — Я вытворял такое, что было мне не под силу даже здоровому. Я мало что помню, эта суета мне и сейчас представляется фантастической: я выволок его через заднюю дверь, протащил по всему двору и бил головой о кирпичную стену кухни. Обессиленный, я сам едва не отдал Богу душу. Они утомили меня и пустили мне кровь. Идиоты! Но самое важное, что именно тогда я осознал всю глубину своего эгоизма. Наверное, потому, что в словах священника услышал отзвук собственных слов, а его высокомерное отношение к брату напоминало мне мои чувства тогда. Как и его болтовня о дьяволе и почти болезненный отказ даже допустить самую мысль, что подлинная святость может быть найдена по соседству.

— Но он действительно верил, что вашим братом овладел дьявол.

— Это обычное человеческое отношение, — мгновенно возразил вампир. — Люди охотнее верят в дьявола, чем в Бога и в добро. Не знаю почему... Может быть, разгадка проста: творить зло гораздо легче. А говорить, что человеком овладел Сатана, — все равно что объявить его сумасшедшим. Во всяком случае, я чувствовал, что именно к этому сводится смысл его слов. Не нужно видеть беса своими глазами, чтобы поверить в его существование. Другое дело — святой. Чтобы с кем-то, живущим рядом с тобой, происходили чудеса, подобные видениям моего брата? Нет, наше самолюбие не может допустить подобного!

— Мне это никогда не приходило в голову, — произнес его собеседник. — Что же случилось с вами дальше? Вы сказали, что вам пустили кровь. Это неминуемо должно было привести к смерти.

Вампир рассмеялся:

— Совершенно верно, но случилось непредвиденное. Вечером тот вампир снова вернулся ко мне, и как вы думаете, зачем? Ему понадобились мои плантации. Я помню все детали той встречи, словно это произошло вчера. Было уже поздно, моя сестра, дежурившая около постели, заснула. Он вошел с черного хода, открыл двери без единого звука. Он был высокий, светловолосый и белокожий и двигался грациозно, как кошка. Первым делом прикрутил лампу и аккуратно прикрыл платком лицо сестры. Она не проснулась: так и спала спокойно всю ночь рядом с миской воды и полотенцем, которым вытирала мне лицо. Утром, когда она встала, я был уже не я.

Вампир вздохнул, облокотился на ручку кресла и обвел взглядом стены комнаты.

— Сперва я подумал, что родные позвали доктора, чтобы он попытался успокоить меня. И привести в чувство. Но когда он подошел поближе и склонился над постелью, мне сразу стало ясно, что я ошибся. Я разглядел его лицо при свете лампы и понял, что это не просто человек. Его серые глаза горели слишком ярко, да и длинные белые руки явно не были руками человека. Думаю, что в тот момент я догадался, кто передо мной, и все его слова потом уже не были для меня откровением. Я видел вокруг него неземное свечение. Такого существа мне еще не приходилось встречать. Я чувствовал свою полную ничтожность перед ним. Все мысли и терзания, даже страшная вина перед бра-

том и желание умереть вдруг словно перестали существовать. Я и сам перестал существовать! — Он прижал кулак к груди. — Передо мной открывалась новая жизнь, новые возможности. Он говорил, и мое изумление росло и росло. Рассказывал о своей жизни, о том, кем я могу стать, и прошлое померкло, превратилось в прах. Он заставил меня увидеть со стороны мою мелочную, себялюбивую, бесполезную жизнь. Я понял, сколь неискренни были мои молитвы, обращаемые к Богу и к святым, чьи имена я затвердил по книгам. Они несколько не изменили моего жалкого, приземленного существования. И я увидел — вот мои подлинные божества, те же, что у всех: пицца и деньги, безопасность и комфорт... Прах земной.

На лице юноши появилась смесь замешательства и удивления.

— И вы решили следовать по его пути? — спросил он.

Вампир ответил не сразу.

— Решил — это не совсем точно. Не скажу, что такой исход был неизбежен. Просто после его слов этот путь оказался единственным для меня. И я пошел по нему не оглядываясь. Хотя нет, один раз оглянулся.

— Один раз? Что вы имеете в виду?

— Мой последний рассвет. Утро, когда я еще не был вампиром и встретил свой последний рассвет. Я навсегда запомнил именно это утро; те, что были раньше, стерлись из памяти. Вот первый бледный свет коснулся окон, матово засветились кружевные занавески; свет становился ярче и ярче, и солнечные пятна обсыпали кроны деревьев. Взошло солнце, кружевной узор занавесок тенью лег на каменный пол, зайчики запрыгали по голове и плечам

спящей сестры. Во сне она согрелась и отбросила платок; солнце светило ей прямо в глаза, и она щурилась, не просыпаясь. Стол, на который она уронила голову и руки, весь был залит светом, вода в миске сияла под солнцем. И наконец жаркие лучи коснулись моего лица и рук. Я лежал и думал о том, что рассказывал мне ночью вампир. Я навсегда прощался с рассветом и с прошлой жизнью. Потом я встал и вышел из комнаты. Это был мой последний рассвет.

Вампир замолчал и снова посмотрел в окно. В комнате вдруг стало очень тихо, тишина звенела в ушах. Потом по улице с грохотом проехал грузовик, и шнур выключателя задрожал. И опять все стихло.

— Вы скучаете по рассвету? — спросил юноша.

— Да нет, не очень, — отозвался вампир. — На свете и так много интересного... На чем мы остановились? Кажется, вы хотели узнать, как я стал вампиром?

— Да, пожалуйста, расскажите поподробней.

— Это невозможно объяснить, — сказал он. — Я смогу только описать процесс превращения, облечь ощущения в слова. Но вы поймете, что значило случившееся для меня самого.

Молодого человека вдруг словно осенило что-то, и он хотел было задать еще один вопрос, но вампир уже продолжал рассказ:

— Итак, тот вампир, а звали его Лестат, хотел заполучить мои плантации. Слишком прозаическая причина даровать мне вечную жизнь на этом свете. Надо сказать, он не так уж сильно отличался от обычных людей. Он не считал вампиров членами элитарного клуба, хотя на земле их очень мало. У него были и чисто человеческие заботы. Напри-

мер, слепой отец, который не знал, что его сын — вампир. Ему стало трудно жить в Новом Орлеане, нужно было кормиться самому и заботиться об отце. Вот почему ему понадобились мои плантации.

Мы приехали в Пон-дю-Лак вечером следующего дня. Я поместил старика в спальню и с помощью Лестата продолжил свой путь к новому состоянию. Нельзя сказать, что перемены произошли сразу, но начиная с какого-то момента у меня уже не было дороги назад. Мое превращение состояло из нескольких шагов, и первым стало убийство надсмотрщика. Лестат набросился на него, когда тот спал. Я был рядом: стоял настороже и одновременно проходил испытание на прочность — смогу ли я присутствовать при убийстве человека. Это было труднее и мучительнее всего. Я уже говорил вам, что не боялся умереть, хотя мысль о самоубийстве вызывала у меня отвращение. Но сколько низко я ценил свою жизнь, столь же высоко ставил жизни других людей. К тому же после гибели брата ужас смерти прочно утвердился в моей душе. Мне пришлось увидеть, как надсмотрщик, проснувшись, пытается сбросить с себя Лестата, как отчаянно он борется за жизнь в смертельных объятиях вампира... Наконец он обмяк, но умер не сразу: почти час мы простояли в маленькой спальне и смотрели, как его душа расстаётся с телом. Это тоже являлось частью моего превращения, иначе Лестат ни за что бы не остался в комнате. Затем нам надо было избавиться от трупа. Меня обуял настоящий ужас: я чувствовал, что еще немного — и я не выдержу. У меня начался приступ лихорадки, я с трудом передвигал ноги и, перетаскивая тело, едва сдерживал тошноту. А Лестат только смеялся. Он говорил, что, когда я стану настоящим

вампиром, тоже буду смеяться. Но он ошибся: я никогда не смеюсь над смертью, хотя часто бываю ее причиной.

Дорогой, идущей вдоль реки, мы вывезли тело надсмотрщика в поле, сбросили его с повозки, порвали на нем плащ, вытащили из карманов деньги и влили в рот немного виски для запаха. Я хорошо знал его жену — она жила в Новом Орлеане — и представлял себе, как она будет горевать, когда труп найдут. Но еще мучительнее была мысль о том, что она никогда не узнает, что на самом деле случилось с ее мужем, что это не простые грабители подстерегли его пьяным на дороге. Когда мы били безжизненное тело, ломали кости и превращали лицо в кровавое месиво, непреодолимое отвращение поднималось у меня в душе. Вы не должны забывать, что все это время Лестат вел себя не как обычный человек. Мне он казался сверхъестественным существом, вроде ангела. Но постепенно его магическая власть надо мной стала ослабевать. Мое сознание раздвоилось. С одной стороны, как я уже говорил, он просто околдовал меня и подчинил себе мою волю. Мое собственное стремление к разрушению и желание быть проклятым вели меня по тому же пути. Именно они помогли Лестату осуществить задуманное. Но в тот момент речь шла не обо мне. Я помогал разрушить жизнь надсмотрщика, его жены, его семьи. Ужас охватил меня, и, может быть, я ускользнул бы от Лестата и окончательно потерял бы рассудок, но безошибочный инстинкт подсказал ему, что происходит со мной.

Этот инстинкт... — Вампир задумался. — Пожалуй, я мог бы назвать его могучим инстинктом вампира. Для нас малейшее изменение выражения на человеческом лице говорит столько же, сколь-

ко оживленная жестикуляция — простым смертным. В Лестате он был развит необычайно сильно. Он поспешно затолкнул меня в экипаж и погнал лошадей домой. «Я хочу умереть, — бормотал я. — Это невыносимо. Ты же можешь убить меня — это в твоих силах. Позволь мне умереть». Я старался не смотреть на него, чтобы не поддаться чарам его безупречной красоты. Он уговаривал меня, называл по имени и смеялся. Он твердо решил, что плантации должны достаться ему.

— Вы думаете, он не позволил бы вам уйти? — спросил юноша.

— Трудно сказать. Но теперь, хорошо зная Лестата, я думаю, он скорее убил бы меня, чем отпустил. Именно этого я и хотел. Точнее, мне казалось, что хотел. Как только мы добрались до дома, я выскочил из кареты и пошел, словно зомби, к кирпичной лестнице, той самой, с которой упал мой брат. Несколько месяцев дом стоял пустой — надсмотрщик жил в отдельном коттедже, — жаркий и влажный климат Луизианы уже начал свою разрушительную работу. Трещины между кирпичами заросли травой, кое-где даже проглядывали дикие лесные цветы. Помню ощущение ночного холода и сырости, когда, присев на нижние ступеньки лестницы, я положил усталую голову на кирпич, бесцельно перебирая руками крошечные цветочки. Я выдернул целый пучок и зажал в ладони. «Я хочу умереть, убей меня. Убей меня! — повторял я, словно заведенный. — Я стал убийцей и не могу больше жить». Лестат засопел от нетерпения, как бывает, когда выслушиваешь очевидную ложь. И вдруг бросился на меня. В жутком испуге я изо всех сил ударил его ногой в грудь, и его зубы только оцарапали мне горло. Кровь бешено колотилась у меня

в висках. Одним движением, настолько стремительным, что я даже не увидел его, он отпрыгнул назад, к низу лестницы. «Мне показалось, ты хотел умереть, Луи», — сказал он.

Услышав имя, молодой человек кашлянул, словно хотел что-то спросить. Вампир сразу понял его и кивнул:

— Да, меня зовут Луи. — И продолжил рассказ: — Если бы я остался один и дошел до крайней черты, может быть, у меня хватило бы смелости покончить с собой, вместо того чтобы скулить и упрашивать других сделать это за меня. Я представлял себе долгие ежедневные страдания, как расплату за грехи, и мысленно тянулся к ножу, искренне надеясь, что внезапная смерть дарует мне вечное прощение. И еще я видел, как стою на верху лестницы, там, где стоял брат, а потом падаю вниз и разбиваюсь о камни.

Но у меня не было времени собраться с духом. План Лестата был рассчитан по минутам. «Послушай, Луи», — сказал он и прилег на ступеньки рядом со мной, двигаясь изящно и интимно, словно любовник. Я отшатнулся, но он обнял и прижал меня к груди. Никогда я еще не видел его так близко. В тусклом свете его глаза неестественно сияли на белом лице. Предупреждая мое намерение пошевелиться, он поднес пальцы к моим губам и сказал: «Не двигайся. Я собираюсь высосать твою кровь до последней капли и хочу, чтобы ты лежал тихо, так тихо, чтобы ты слышал, как твоя кровь перетекает в меня. Только силой воли и разума ты должен поддерживать в себе жизнь». Я хотел было сопротивляться, но он так крепко прижимал меня к себе, что все мое распростертое тело находилось в его власти. Я оставил жалкие попытки вырваться, и он впился зубами в мою шею.

Литературно-художественное издание

ЭНН РАЙС
ИНТЕРВЬЮ С ВАМПИРОМ

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 08.04.2021. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого
сотрудничества размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/



H-MBB-28248-01-R